

МАНЬЯК
НОМЕР
ОДИН

РОМАН ШАБАНОВ

16+

Роман Шабанов
Маньяк номер один

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шабанов Р. В.

Маньяк номер один / Р. В. Шабанов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

В спальном районе Москвы объявляется странный маньяк, который похищает детей... и отпускает, не причинив никакого вреда. Каждый ребенок в отдельности понимает, что жизнь в темной комнате меняет их. Маньяк проводит эксперимент, который не знает, чем закончит. Дети становятся жертвой его, на первый взгляд, безвредных опытов.

Часть 1

1

Эскалатор медленно скользил вниз.

– Не успеем, – нервничал Макс. Кристи, напротив, была спокойна.

– Да ладно. Если зашли, то все будет ок.

– Там переходы закрываются.

– С чего ты взял? Мы же вошли. У тебя есть билет, у меня тоже не кусок картона. Теперь мы имеем право доехать куда нам нужно. Вот если бы перед носом закрыли, предупредили наконец. А так... наша взяла.

Макс любил Кристи. За уверенный тон, умение отстоять свою точку зрения, за то, что в ней было что-то от всех девушек сразу – бесбашенное веселье с умением грустить, капризное упрямство или стремление жить по своим правилам? Сегодня был день Валентина. Цветы, сопливые валентинки со словами «Люблю, хочу, навсегда...». Макс умел ухаживать: дарить, читать Хайама, в общем сводить с ума. Второе свидание совпало с праздником. Пусть кто и скажет, еще не время, подождите, включите голову, но им двадцать... все этим сказано, все им можно. На первом свидании легкий поцелуй с намеком на продолжение, на втором как-то оказались на ВДНХ, где глупо не поучаствовать во флэшмобе на самый длинный поцелуй. Макс продолжал сводить с ума, а Кристи не была против. Теперь осталось проводить и вернуться домой. Но Кристи не слишком хотелось возвращаться в квартиру, где родители ворчат, что их дочка устраивает свою личную жизнь после десяти вечера.

– Хочу на крышу небоскреба, – неожиданно воскликнула девушка. Макс заметно сморщился.

– Что? Какая крыша. Баиньки. К тому же мне домой надо. Завтра семинар по естествознанию. Буду неестественно выглядеть, если не подготовлюсь.

– Не будь занудой. Сегодня праздник. Наш. Вроде. А родителям тоже нужно побыть вдвоем.

– Они же родители, – попробовал парень, но быстро осознал свою глупость, – Просто они вряд ли думают о чем-то таком, когда дети где-то и с кем-то шатаются.

В чем-то он был прав – второе свидание, еще не время знакомить с предками. У каждого была своя легенда: для нее – у подруги Эммы, для него – с друзьями в кино.

Эскалатор спихнул две пары ног на ровную поверхность. Макс ловко подхватил Кристи, прижал к себе и утонул среди цветочной воды, крекера с солью и марципановой крошки.

– А поехали.

– Я тебя лю, – воскликнула девушка. В тоннеле послышался гул. Появившийся светлячок подмигнул и стал расти.

– Ты вызвал поезд.

– То ли еще будет.

Они запрыгнули в вагон. На их счастье он был пустым. Макс обнял девушку и как бы неловко упал прямоком на сидения. Оба засмеялись, просто голос объявил следующую... Рижскую, двери хлопнули и поезд умчался в освещенный тоннель с километрами проводов и крысами, если верить диггерам.

На перроне проявился незнакомец. На нем была кепка, темный джинсовый костюм. Безликое пальто на руке. Девушка с красной круглой табличкой издали что-то показывала ему. Он смотрел вдаль на уходящий поезд.

– Молодой... человек. Поездов больше не будет.

Он вздрогнул. Что-то помешало ему говорить, но застывшая поза растерянности кричала:

– Как не будет?

– Поднимайтесь, – монотонно говорила работница в метро, и указала рукой наверх. Человек послушно направился к эскалатору.

– Эскалатор тоже не работает.

Он выругался про себя, но стал подниматься. Он заметно хромал.

2

У Ленчика были постоянные разногласия с предками. Те считали, что нужно есть больше овощей, больше читать, чем проводить время в сети, а ночью темно, потому что природа умная, сама подсказывает, что нужно делать. Они были правы, но кому нужна правда, когда ночью есть хороший аргумент, чтобы не спать. Спасала дверь. Когда есть дверь, и хороший ночник, можно создать иллюзию – что ты спишь.

Ночами он заполнял блог. Однажды, по примеру лодыря Халка, которого нельзя было остановить в своих чудовищных геройских историях, где он спасал мир женского рода одной левой, Ленчик стал рассказывать про свою жизнь. Леонид Богуславский. Немного о себе: шепелявит, прыщи, сутулиться, верит в бога. В блоге у него было чистое лицо, он был прекрасным оратором, девушки вешались, как гроздья винограда, была настолько насыщенная жизнь, что ему было что поведать миру.

Но сегодня все мешало. Простывший отец, мама ходившая и кричащая «Вот ты меня не слушаешь». Не шло и все тут. Он не знал, что будет дальше. Резервуар мыслей опустел. Ленчик знал, что его герой хочет все попробовать, только что на этот раз. Его герой уже потерял девушку, уже нашел, побывал во всех клоаках мира, оставил после себе доброе-вечное, как важную составляющую его страниц. Теперь нужен поворот, поворотище... иначе читатели отвернутся в сторону более геройского объекта.

Женек вспомнил о нем вовремя. Евгений Буров, полная противоположность Ленчику сидел в кафе с классными дамами. Что заставило Бурова, редко нуждающегося в совете и помощи по части девушек позвонить ему – хороший вопрос. Просто хотелось выманить друга из дома или какая другая выгода? Да ладно – тот не был против. У Ленчика самого был не менее шкурный интерес.

Мама не спала. Она смотрела за отцом-астматиком (а теперь еще и простуда), за машиной (они никогда не купят гараж), и за сыном, который мог вот так сорваться посреди ночи.

– Ты куда?

Хотелось без этого. Мечтай!

– Женек к себе зовет. Он же с Наной расстался. Раны зализывает. Я должен успокоить. Они же так близки были. Он говорил, что они созданы друг для друга и прочее. А потом раз – и Нана покидает Россию на вечное прозябание в царстве льда и пингвинов. Что творится с этим миром?

Не переборщил ли он? Мама слушала, как одна из читательниц его блога. Неплохое начало – побег. Нетривиальный побег.

– Уже месяц прошел. А ты ему как священник?

– Типа.

В точку!

– Ладно, но почему посреди ночи?

– Ему плохо сейчас. Он же такой ранимый, как бы чего не случилось.

Мама задумалась.

– Такси возьми!

Через минуту он летел вниз.

Ночью подморозило. Он едва не проехал на мягкой части, но смог удержаться. Кивнув своей удачливости, он пропел «Ну а я всегда любил ночь. Это мой дело – любить ночь». Такси он не взял, потому что знал, что пригодится его Танк. Ford Explorer. Папин танк, однажды купленный по глупости. Но-но, – сердито, но с гордостью, – он семейный. Да, если у тебя сомалийская семья. Отец на ней гонял, как Шумахер, пока приступы не начались. Раньше двигатель не успевал охлаждаться – Ленчик помнит эти зигзаги и прыжки по городу и ссоры родителей на кухне с твердым «Чтобы в последний раз...», теперь стоит этот бульдозер на видном месте за детской площадкой. Замерзает.

Ленчик осторожно открыл капризную дверь. С ключами все просто – он уже давно сделал дубликат. Сел в холодный салон. Зубы невольно застучали. Он повернул ключ. Машина фыркнула и все на этом. Не понял. Да что ж такое-то! Телефон буркнул смску «Пора бы тебе появиться». Вторая попытка завести тюленя – впустую. И третья туда же. Парень с досадой уткнулся в клаксон. Надо было гараж покупать, а не делать в его комнате ремонт. Зачем ему ремонт – там все равно кроме него никто не бывает. В окне тихо. Мама переваривает слова сына, и думает о его будущем. Он станет священником, получит сан, поможет им. Самое ужасное сочетание пространства и времени – мечты родителей сбываются.

В окне «Форда» появилась тень. Окна запотели от дыхания, поэтому видимость была чудовищной – его окружал мир силуэтов, как в тумане. Ленчик быстро протер окно. Мужчина в вязанной шапке и выдающимися синяками под глазами дрожал в свете тусклого единственного фонаря.

- Помочь толкнуть? – пробасил он.
- Хорошо бы.
- Так выходи.

Мужчина хотел помочь или еще чего-то. Сомнение заскребло по всем стенкам. Это он в блоге герой и мать твою, может устроить махич, а тут он просто хочет спокойно доехать до друга.

- Я думал, что буду за рулем.
- Не волнуйся, герой, успеешь.

Хорошее продолжение истории. Побег, мутный чел, предлагает помощь, хотя по обертке от него можно все ожидать.

– Ладно, – про себя сказал парень, открывая дверь. – Я герой. Да, правильно. Чего там? Начнем!?

Отмороженный оказался на удивление крепким – он ухватился за правый угол вездехода так, что казалось мог справиться один. Ленчик присоседился к другому углу. Переместив ее на метров пять в сторону зоомагазина, потом еще на десять обратно, они выдохлись. Что-то заставило человека с улицы открыть багажник, и он увидел то, что внесло ясность и тоску в происходящее.

- Да там же аккумулятора нет.
- Какого...?

– Они вынимают во время сильных морозов.

Вот, удружили. Теперь до «Санни» так просто не доберешься. А Женек все бренькал смски, как будто ему не о чем было говорить с дамами, а Ленчик – спаситель, сейчас приедет и привезет то интересное, что разбудит всех. Это пугало, черт возьми!

– На чикушку то положи, – не отставал замороженный. Ленчик поблагодарил ночного помощника и отправился на шоссе, чтобы ловить такси. За столиком в кафе где-то в центре города волновались.

- Ну ты где? – кричал Женек. – Они уйти могут.
- Я уже.

– На машинке, надеюсь.

Ах вот оно что! Машинка! Женьке нужен транспорт с трезвым водителем, который в состоянии развезти по адресам девушек. Что Буров пообещал им? Сейчас приедет карета, развезет в обмен на телефончик. Что Буров пообещал ему? Ничего, поэтому отмажется безалкогольным коктейлем и «Спасибо, ты настоящий друг».

Он не успел договорить с «другом». Удар был не сильным. Очки упали, за ним полетел и сам парень. Он пытался вскочить. Но только дернулся, схватился за нападавшего. Темные джинсы.

– Да кто ты...?

Удар повторился.

Ленчик увидел кепку, очки слетели в снег, в висках зашумело и он перестал реагировать. То, как его засунули в черный Додж он не видел.

Улица затихла. На пятом этаже долговязого дома показалась женщина. Это была мать Ленчика. Она убедилась в том, что «Форд-тюлень» стоит не тронутый. Потом был кашель и она вернулась в квартиру, чтобы вздохнуть, варить кофе и вспоминать то, что она говорила про ночь.

3

Димка дрожал. Не от холода. Снова ночь, значит темно. Темно... ничего не видишь, только мурашки по спине и холодный пот. Еще думаешь, что самые злобные монстры собрались тут. Еще веришь, что ты провинился, раз так темно. На всех стенах ночники. Ни одного зеркала. Зеркала отражают страх.

За окном проносятся блики. Большая машина. Поменьше. Еще меньше. Это и не машина. Кто-то с фонариком добирается до дома. Остановился. Заметил меня. Но как? Идет дальше. Сюда?

– Мама! – голоса нет. Его никогда нет, когда страшно. Он подводит. Как и ноги – им бы бежать: под кровать, к маме под теплое одеяло, чтобы услышать «Тебе нечего бояться». Но они застыли, их завалило глыбой, и руки, о эти руки не могут справиться.

Димка прекрасно понимал, что страх в его жизни занимает значительное место. Он его поместил в разряд дыхания. Сперва он начал бояться или дышать – вопрос.

Примерная картина. До года боялся посторонних. Войдет в квартиру слесарь – в крик, мама оденет шляпу или папа надушится чем-то древесным – паника. Первый год – нулевая степень, когда веришь, что это нормально. Они же дети, у них всегда так.

Шорох на потолке. Застыл. Зашуршал по обоям. Длинный. Похож на змею. Сейчас спустится ниже.

– Ма! – крикнул он, набросил на себя одеяло и стало еще темнее. Теперь никаких шорохов, змей. Он-то не допустит, чтобы кто-то вошел сюда.

Когда в пять лет ему подарили робота-трансформера, то Димка чуть не грохнулся в обморок. У робота крутились голова и руки при движении и были светящиеся глаза. Однажды он уснул с ним в одной комнате. Знал бы мальчик, что в нем севшие батарейки, работающие в произвольном режиме. Игрушка включилась в самое тихое время (когда все спят и на лице блаженная улыбка), мальчик вскочил, у него отказал голос, но не ноги. Однако впереди была дверь, он сильно ударился и долго стучал в пол, пока не пришла мама.

В «пещере» было хорошо, но не хватало воздуха. Мальчик приподнял одеяло. Змея исчезла. На стене висели продукты детского творчества – аппликации с пасхой и просто домом, рисунки с мамой почти похожей, странного города, выдуманной планеты. В особо лунную ночь от этого «иконостаса» возникала такая широкая тень, что стоило Димке проснуться посреди

ночи и увидеть ее, то квартиру оглашал крик, и босая мама представала в проеме с гантелями в руке.

Луна спряталась. Свет от больших-малых машин все реже радовал. Пора спать. Время, когда точно ничто не помешает. Он дождался. Нет ни шорохов, ни подозрительных скрипов, только подушка и... дверь?

Дверь открылась. Димка затаил дыхание – разве не существует вероятность, что войдет человек с ружьем или огромный монстр. Есть вероятность, пусть один процент. Какой же он большой процент!

– Ты спишь? – спросила мама. Слава богу, мама. Он открыл глаза, сделал плаксивое лицо, но что-то помешало ему прыгнуть к маме на шею.

Она была не одна. С ней был какой-то человек. Усы, огромные волосатые руки, в руке коробка с чем-то странным.

– Познакомься, это дядя Володя.

Димка не решился вылезти из-под одеяла. Дядя Володя сам сделал шаг, сел на кровать и протянул руку.

– Говорят, ты всего боишься.

– Так... немного, – что еще мама ему рассказала. У них же договор, что для других у него страхи самые обычные. Как у большинства.

– И я таким был. Потом меня в интернат отдали.

Интернат? Что за интернат?

– Место, где рано взрослеешь.

Рано? Я не хочу взрослеть. Мне же это не нужно, правда? Ну, мам, не молчи! Мама застыла в проеме с той улыбкой, с которой она всегда выходит на фотографии.

– Я научу его не бояться.

Он меня научит? Не надо. Я его не знаю. Мама, он хочет меня научить. Ты ничего не сделаешь?

– Во-первых, давай погасим весь свет.

Свет? Он же итак погашен. Занавесим окна?

– Зачем ему такое чугунное одеяло?

Почему он берет мое одеяло. В обмен на это? Оно же просвечивает. Я застужусь. Мам, ты делаешь вид, что не видишь?

– Мне нормально.

Он смотрит. В глаза. Никто так не смотрел в мои глаза, кроме окулиста, наверное.

– Постой. Ты же хочешь стать смелым.

Наверное, хочу. Но сейчас лучше:

– Не хочу.

Отец ушел в четыре. Гости стали приходить регулярно. Мужчины. Нет, не страшные, скорее незнакомые, достаточно, чтобы таить в себе огромную как пропасть опасность.

Опасность, пропасть, угроза. Интернат? Только я это вижу. Только я? Он посмотрел на маму. Та смотрела на дядю Володю и улыбалась.

4

Макс и Кристи стояли перед входом с красными шарами и потными ангелами из папье-маше.

– Тут платно, – разочарованно сказал Макс. – Полторы штуки. На три мы можем в аква-парке зажечь.

– А ты не знал?

– Знал, но...

«Провести вечер с любимым человеком на высоте 354 метра можно на крыше башни ОКО в Москва-сити» – кричала дерзкими огнями реклама. Желающих было предостаточно. Организаторы подготовили для влюбленных теплые пледы, печенки с предсказаниями, шампанское, тематическую музыку, воздушные шары с пожеланиями, бенгальские свечи и специальную фотосессию.

У Макса была теория – никаких обещаний, компромиссов и бессмысленных трат. Каждый рубль должен оправдывать свое вложение. Кристи была ничего, но не настолько чтобы оставаться без пива и еще одной встречи. Но он уже согласился, о чем тысячу раз жалел по дороге, но в его теории был еще один пункт – если взялся, идти до конца.

– Ладно, – кивнул Макс. – Раз пришли.

– Я тебя... – эту фразу она закончила прижавшись к нему, отчего получилось, что она его «фу-фу-фу!»

В груди парня что-то завибрировало. Он быстро взял телефон, посмотрел одним глазком и быстро убрал в один из брючных карманов.

– Это кто?

– Да так. Никто.

Кристи не любила такие ответы.

– Послушай. Я не дура. Всю дорогу тебе кто-то названивал. Мог бы ответить.

– Зачем? Звонят друзья. Юрец, потом Проха. У обоих нет девушек. Вот они ищут себе компанию. Вискарь и ночной клуб. Они же знают. Я им сказал, что у меня есть ты. Не поверили.

Убедительно? Почти.

– Тогда тебе не о чем беспокоиться. Дай телефон.

Поворот!

– Не дам.

– У тебя есть от меня секреты?

– Нет, но это моя собственность и я бы хотел остаться при ней.

Отец Макса работал в юрфирме, и парень знал, как постоять за себя, будь то реальная угроза или девушка с претензиями. Но и Кристи была не из робкого десятка.

– Что за чушь!? У меня есть сомнения. Помоги их развеять.

Телефон снова оживился. Макс застыл, все еще надеясь, что девушка одумается, махнет одной рукой, другой обнимет его за талию и они пойдут в это «место», где будет поставлена жирная точка в их отношениях. Кристи знала, что не отступит.

– Ответь.

– Да не хочу я брать. И хватит. Мы заходим или нет?

Ангелы взмахнули крыльями, приглашая с одной стороны войти, а с другой – принять деньги. Макс быстро вытащил из кармана кошелек, достал две тысячные и две по пятьсот. Одна из пятисотенных неосторожно упала. Макс потянулся, Кристи выхватила телефон и отбежала в сторону.

– Да. Женский голос. Так я и знала. Кто? Это Кристи. Девушка Макса. А вот так. С кем я говорю... ну надо же, как предсказуемо. Максик, Максик! Извините, я отвлеклась. Какие у вас планы? Это не мое дело? Да, наверное. Мое дело плюнуть в лицо. Передать ему трубку? Да, легко. Тебя.

Макс взял трубку и тут же отключил телефон, отправив его в один из невидимых карманов.

– Я тебе все объясню. Мы с ней встречались еще до нашего знакомства. Она ненормальная. Все грозила в окно выпрыгнуть, я не мог вот так вот...

Пурга, пурга!

– Пошел ты.

Макс любил Кристи. Но еще любил Злату, Еву, Жасмин... У него были планы на этот вечер. Ему надо было успеть до полуночи, потому что он знал, что у девушек есть такая паранойя – до двенадцати ходят романтики, после – от безысходности в не совсем адекватном состоянии, то есть одни уроды. Последним он никогда не был, потому что безысходность и Макс были по разные стороны дороги.

Кристи решительно пошла к лифту. Лифт был занят.

– Ты не права. Нам было хорошо.

Ей не хотелось слушать Макса. Слушала бы – ответила. Это она-то не права? А что если пробежаться. Всего пятьдесят шесть этажей. Решено!

– Давай, хоть провожу.

У него еще есть время.

– Себя проводи!

Через пятнадцать минут она была на улице, а еще через пятнадцать в Раменках. Кристи шла по знакомой тропинке, слушала Мишу Марвина, повторяющего «Будь ближе ко мне» разными голосами. Оставался квартал до дома.

– Помогите, – пропел хриплый голос. Это была не песня. Старуха с тремя мрачными пакетами стояла на дороге.

– Нет, – брезгливо сказала девушка, пробежав этот грязный радиус.

Она быстро шла в сторону дома. Глазами в айфоне, подушечками пальцев уничтожая контакты.

Блин! Потратила на него целую неделю. Семь дней. Это сто сорок восемь часов, сто сорок из которых в мыслях о нем. За неделю она казалось узнала о нем все: пьет ледяное пиво, играет в футбол, мечтает переплыть Атлантику. Добавила в контакте всех его друзей. Юрка. Клевый, стендапер, в кармане по шутке. Прошка. Художник. Ванька, Шома. Семь вечеров – семь прикольных час-сейшнов. Море смеха, прикольных фоток и уверенность в будущем – с такими-то друзьями точно не пропадешь. А теперь ей следует удалить? Все девять контактов. Допустим. Не все участвовали в сейшне. Минус двое. Не все жгли. Еще трое. И этого ждет красная кнопка. У него взгляд как у Макса. Чертовски жаль вычеркивать из жизни Моцарта – джазиста. Почему я не могу с ним общаться? Я не могу? Еще как! Что случиться, если я с ним встречусь? А я с ним встречусь. Еще как встречусь! Это ее взбодрило.

Консьержка спала.

– С праздником, – прошептала Кристи.

На цыпочках пробралась к лифту, и оказавшись внутри, подумала, ведь так может кто угодно войти. Но эта мысль быстро улетучилась уже на пороге.

– Ты где была? – спросила мама.

– Так.

– Предохранялись?

В комнате можно было укрыться от всего и всех. Она включила топовые ролики. На этот раз Басту в «Вечернем Урганте».

– Мне нужно тебя услышать, – мямлил Макс в соцсети.

– Все...

Она не могла уснуть. Поймать такси. Клуб. Но как же не хочется выходить. Лучше уснуть. Кристи пробралась к холодильнику, достала банку пива. «Скажу, потом что... не знаю... папка выпил». Но и напиток не сработал. Хотел творить. Длинный поцелуй на ВДНХ сработал как бикфордов шнур.

– Привет, Моцарт.

Прочитано!

Ленчик очнулся. Открыл глаза. Взгляд вправо-влево. Темно. Тут-там-кругом. Голова болела нестерпимо. Хотелось содрать кожу, залезть внутрь и вытащить источник боли. Какой-то чудовищный запах – смесь лука, пота, химического реактива. Он дернулся, руки связаны жесткой режущей веревкой, ноги тоже, привязан к чему-то устойчивому: то ли трубе, то ли батарее. Где они – в подвале, гараже, месте, где сбываются мечты радиационных туристов. Он повернул голову. Шею скрутило как при рождении. Жажда мучала, но это было самое меньшее, что беспокоило. Дверь. Щель. Свет!

– Эй! – захрипел он, не узнав свой голос. Послышалось резкое шевеление где-то в метре и шепот:

– Кто тут?

Хриплый, но женский детский голос. Спокойный... несущий угрозу.

– Я-я нико-нико-го не тро-трогал.

Ленчик задергался, и если бы смог оторваться от трубы, то прополз через эту щель и наружу туда, от этого ужасного запаха, отчего не выдерживает нос и нервы.

– Тихо! Он может услышать.

– Он? Кто он? А ты кто? Не вижу. Ничего не вижу.

– Успокойся, я в той же заднице.

В той же... Он не один?

– Что мы здесь делаем? – прошептал он.

– Сидим. Или лежим. Нельзя постоянно сидеть. Бульонка застывает.

Нельзя? Бульонка?

– Нас поймали, – твердо сказала девочка. – Тебя только что, я тут неделю, другие и того больше. Это приблизительно, потому что тут нет солнца, часов и магазинов, закрывающихся в восемь.

– Нас? Другие?

– Да, сударь. Конечно, ты думаешь мы тут одни? Ну, с днем Валентина. Ты и я и еще двое. Они там. Я щелкну чтобы ты понял. Там.

Щелк. Ага, там, где... темно. Блин, а где по-другому?

– Только они все время молчат. Я как-то волнуюсь.

Все время? Она волнуется?

– А что если они того?

Только сейчас мальчик осознал, что все то, чего боялся в детстве, все, чем его пугали, обрело жизнь. Обернутые в простыню рассказы, открытое окно, черные кошки, лязг ключей и визг тормозов, капли крови на асфальте. Прикольно? Все его усмешки над глупыми ужастиками, дешевыми масками Орков в переходах были усмешками над тем, что произошло. Если падают самолеты, то с кем-то, не с ним, и бывало, что мальчики садились к чужим дядям в машину и пропадали. Но все это было настолько далеко, как будто существовал другой мир, другая реальность, в которую чтобы попасть нужно было пролезть через игольное ушко или впасть в кому?

– Что он хочет?

– Он знает.

Послышался кашель мокрый и болезненный. Еще один пленник очнулся. Он поворчал с минуту и застонал: «Кто-нибудь включите свет!»

– Жив, Роба. Только под себя сходил. Печалька. Тебя как?

– Я Ленчик.

За дверью послышался шорох. Казалось, что пес потерявший след обнюхивает все вокруг. Зазвенели ключи, не один, целый ворох, как будто комнат было много. А что если их

много? Что если в каждой комнате по ребенку. Бизнес по продаже детей процветает. И пересадочники тоже всегда при деле.

Дверь скрипнула. Огромный силуэт стоял в проеме. Он заслонял тусклый свет, идущий справа, отчего вторая половина была в тени и создавалась видимость половины тела.

– Что вам нужно? – закричал Ленчик. Он не слышал, как шепчет «тсс» новая знакомая. Кровь ударила в голову. Головокружение. Он выдохнул, но легче не стало. Он заставил себя не дышать, чтобы набраться смелости.

Человек вошел. Тяжелые ботинки с двухсантиметровой подошвой, темные джинсы, куртка с серебристыми пуговицами, кепка с эмблемой «Sunny». За спиной – треугольный плафон и интерьер не в фокусе. Скучное освещение позволяло узреть спутанные косички, заколоченное окно и два больших медвежьих силуэта, привязанных к трубам. Он поставил два ведра у мальчика. Пощупал пульс. Его руки были холодными. От него пахло сладкими конфетами. То ли клубничные, то ли банановые.

– Я ничего никому не сделал? – прошептал мальчик. – Вы только скажите, что вам нужно. Мы найдем деньги. Сколько стоит почка? Мы можем просто заплатить. За две, да нет же, за килограмм. Как в магазине.

Человек посмотрел на лежащих без движения, потрогал ближнего, поднял руку.

– Она кажется того, – прошептала девочка со спутанными косичками.

Человек строго посмотрел на нее. Его взгляд пронзил, оставил рубцы, мальчик сжимал пальцы и рук, и ног, уже не боясь сломать что-то в себе – лишь бы отвлечь от бешено рвущегося из груди сердца.

Она? Того? Это значит, что ей плохо и нужна помощь. Пощупать пульс, поставить градусник, дать воды, горячего чая. Что он там возится? Нашатырку под нос, растереть виски, разогнать кровь. Она просто в обмороке. Ей нужен воздух. Куда он ее несет? Он же ничего не сделает ребенку. Это же ребенок. Мы же все дети. Он же знает это?

Лязгнули ключи – три поворота, медленные грузные шаги и снова темнота, кажется еще более зловещая чем прежде.

– Я Поля, – произнесли косички. – Поллета. Только не зови меня Полькой.

– Куда он его? – нервно спросил мальчик.

– Понятия не имею, но точно знаю, что Лола не вернется.

Она точно знает. Как она может точно знать?

– Даст воды, вызовет скорую и отпустит. Если тебе от этого легче.

– Да кому здесь может быть легче? Это, мать твою, подвал...

Ленчика трясло.

– Нет, это просто комната.

– Да какая к черту разница! Это ты такая мудрая, что можешь отличить подвал от комнаты, холодильник от шкафа. Конечно, тут же свет, много света, ослепило даже.

– А ты смешной, – засмеялась Поля.

Самое время смеяться. Самое время... кричать... это же квартира, значит должны быть соседи.

– Люди. Помогите! Кто-нибудь! Вы меня слышите? Вы должны слышать!

Появилась надежда, какая-то незримая, смутная, как Амстердам или тонкий лед, но сейчас самая настоящая.

– Я здесь? Мы... здесь.

Веревка содрала кожу. Но теперь она была просто веревкой, как и то, что это просто комната и там за дверью просто какой-то урод, от которого можно убежать, сбить с ног.

– Заткнись! – сквозь зубы проворчал Роб.

– Если я буду молчать, то что-то измениться? Нам нужна помощь. Нужно стучать вместе, тогда все получится.

– Не получится, – спокойно произнесла Поля, но было уже поздно человек был за дверью. Он не торопился открывать дверь. Он стоял и как будто ждал, что будет дальше. Но что дальше. Ленчик не мог кричать. Силы покинули, и весь свет, что так яростно залил мозг потух.

– Он больше не будет, – спокойно сказала девочка, – Ты же больше не будешь?

Он пожал плечами. Хорошо, что этого никто не увидел.

Ленчик понял, что нужно молчать. Если ты еще жив, то значит есть какая-то надежда. Маленькая, какая другая, но есть!

6

Полицейский участок на Авиамоторной имел дурную славу. Славу по мелкашке. На один квадратный метр в месяц – одно мелкое дело. Мелкие кражи, драки дома, на улице, телефонные угрозы, бомжи и бездомные собаки, порча витрин, автобусных остановок. Сотрудники скучали по настоящему делу. Но не смотря на отсутствие оных, в районе ежеквартально проводились рейды – проверяли в метро, вузах, крупных сетевых точках, типа «Магнита» и «Пятерочки», даже останавливали на улице. В обезьяннике регулярно сидели по десять, а то и пятнадцать человек.

Ленину посчастливилось иметь козырную фамилию, звание старлея, и сидеть на горячем не остывающем стуле. Рядом на столе с неровными стопками бумаг, стоял остывший чай, в котором плавал замученный лимонный кружок. За решеткой стоял парень с бородой, но без усов.

– Отпустите, меня мама ждет, – сказал он с акцентом. Парень был на удивление спокоен, как будто это происшествие было в радость. Общение, пусть в таком подневольном месте.

– Запишем показания, – вяло сказал старлей, – распишешься, если девушка не захочет получить компенсацию...

– Компенсацию? За что?

– Ты приставал к девушке.

– Она выбирала пиво, я подошел помочь ей. У нас все так в Дагестане делают.

– Вот когда будешь у себя в Дагестане, то...

– Зачем так? Я же с чистой душой. Работаю. Хорошо, когда есть работа. Вот у тебя есть работа – это хорошо. И у меня есть работа. Я хочу, чтобы Мурлдидзамов, мой начальник не ругался, чтобы видел, что Мурат не болтается без дела, он помогает. Знаете, как он хвалил меня. Я маме написал... то есть сказал, что у меня нет врагов, я всех люблю.

– Ты ее обнял. Она тебе не сестра, не любимая, она посторонний человек.

– Вот именно, – бодро сказал он. – Если бы я знал, что так непринято. Просто когда я иду по улице и вижу красивую девушку, тут же заговариваю с ней, а если она мне отвечает, то это значит, что ей будет приятно если я ей руку пожму.

Дверь была открыта. Но вряд ли это могло бы остановить вбежавшего человека. В его руках были бумаги и тонкий бутерброд с тонкой колбасой.

– Молодой, ты чего такой замученный?

Тот рукавом вытер лоб, вытянул из внутреннего кармана платочек, скомкал и бросил в ведро. Бутерброд полетел туда же.

– То бабули падают, на Собянина жалобы строчат. Мы то чего? Как будто мы можем все. Не мы плитку кладем. А они разве слушают? У них не пробка, у них дюбели для бетона. То вот сводка пришла. Это безумие какое-то.

Только сейчас он заметил отсутствие бутерброда и начал искать его, подозрительно поглядывая по сторонам.

– А то. Безумие наша работа. Для этого нужно быть малость того.

Ленин работал с Молодым два года и находил его поступки пусть несколько эксцентричными, однако тот уже успел проявить себя как надежный друг.

– Что у нас? – спросил Ленин, забыв про обезьянник, про все дела сразу. У Молодого были неровности, но он никогда не входил, тем более вбегал без звонка или стука.

– По делу о маньяке номер один. Пропал еще один парень. Как сквозь землю. Вышел ночью из дома в два пятнадцать. Должен был ехать в клуб. Там его ждали подвыпившие друзья. Мама отпустила на такси. Она не спит ночью, посматривает за отцом-астматиком, да и машина тоже во дворе без защиты.

– Такси? Так, так...

– Ангел, «Везем!», три семерки, проверили все, кто был в этом районе. Ничего. Был еще один чукча, говорил, что помогал одному парню уехать.

– И?

– Да ничего. Бомж. Помог парню разогнаться на «Форде», безрезультатно. Было говорит желтое такси, но ничего не помнит. Потому что не выпил. Вот если бы выпил...

Снова тупик. Почему все дела чаще всего тупиковые. Почему не может произойти так, чтобы чуть что была готовая формула. В районе около полутора тысяч полицейских. Три тысячи глаз. Неужели и этого недостаточно, чтобы заметить. Дело было ночью. Но разве все спят ночью? Бомж. Должен быть еще кто-то.

– Он должен объявиться, – предположил Молодой.

– Или нет.

– Это правда. Неделю назад девочка, Две недели назад парень, три – еще одна девочка. Как ее. Лола. И ничего. Все также. Никаких следов, кроме того, что все они дети.

– Есть волосы.

– Только ничего не найдено. Этого человека не существует. Он носит несуществующие волосы, может быть и кожу и имя. Все. Он точно из другой реальности. Нужно быть бегущим по лезвию, чтобы его поймать.

Дверь была закрыта, но ворвался гул, сперва спокойный, его можно спутать с уличным.

– Это что? Твое сердце. Ниже? Может быть, тебе лучше в столовую сходить?

Молодой пожал плечами, он рисовал в голове схему поиска. Он мысленно обшарил каждый уголок Москвы и ее запределье, он видел, как страдают дети, вряд ли он остановит себя, чтобы не сорваться на этом чудовище. Дверь открылась, задев вешалку, задребезжали стекла, ворвался мужчина, напоминающий бегемота, голодного или ошпаренного.

– Мне нужен мой сын, – запыхавшись произнес он. – Леня. Пятнадцать лет. Он ушел ночью и не вернулся. Я прошел все отделения.

Он увидел Мурата и резко направился к нему.

– Вы его нашли? Где он?

Молодой перехватил руку и не смотря на свои шестьдесят кило при росте сто восемьдесят смог усадить мужчину.

– Это не он. Мы делаем все возможное. Не нужно ходить по всем отделениям. Мы сами делаем рассылку.

Мужчина пусть и сидел, но был на низком старте.

– Не доверяю я этой технике. А вдруг... Вы должны знать, – из последних сил произнес мужчина. – Он пропал в вашем районе.

– Этого мало, – ну как объяснить отцу, что их отделение сделало бы все, здесь опытные и бывалые сотрудники, только было бы за что зацепиться.

– Сделайте что-нибудь, – вошедший упал на стул, схватил холодный чай со стола Ленина и сделал большой глоток.

Что они могли сделать? Никаких улик. Он работает чисто – люди как будто сами закрывают глаза. Они теряют память. Он читает заклинание. Его нет?

– Что-нибудь...

Мужчина как будто стал задыхаться. Воздух смешался с потоком несбывшихся надежд, ожиданий счастья и горестных вздыханий.

– Мне кажется ему плохо. Он же астматик. У него есть этот... ингалятор? Да быстрее же!

Молодой быстро нащупал в кармане ингалятор, отдал Ленину (опытный сотрудник взял на себя ответственную задачу по спасению жизни), а сам снял пиджак и стал им обмахивать. Мужчина стал приходить в себя.

– Порядок.

Мужчина повертел головой, посмотрел на все что было в кабинете, умаляя искать, сажать всех (он злобно посмотрел на Мурата), сотворить чудо. Молодой вывел его, проговаривая уже заученный текст:

– Все будет хорошо. Наверняка он позвонит, чтобы потребовать выкуп. Не волнуйтесь о сумме, мы сможем помочь. Нам выделяют для этих целей. Будьте дома и старайтесь никуда не выходить. Возможно он вернется. Вы же знаете молодежь. Как они любят искать приключения.

Ленин допил остатки чая.

– Что со мной? – крикнул дагестанец.

Да, этот Мурат.

– Распишись и на все четыре. Лучше к маме. Чтоб не волновалась.

7

Ленчик верил в бога. Точнее верил в то, что говорят родители. Любая проблема решалась не самолично родителями, а как бы богом. Раз в неделю в воскресенье, святой день (так они прозвали), все было немного иначе, чем в будни. Просыпались с рассветом, молились, завтрак был постный без соли и сахара, не говоря уж о молоке. Заходили в церковь, где слушали пастора. Ленчику не всегда было понятно, о чем говорит молодой дядя, спрятавший свою молодость под бородой и платьем, но спрашивать родителей он не смел – если им понятно, то наверное и ему должно быть. Еще они в этот день много крестились – проходя мимо храма, какой никакой часовенки с крестиком, они тремя сложенными вместе пальцами сперва касались лба, потом – солнечное сплетение, затем клали перст на правое и левое плечо, и наконец завершали обряд опустив руку, совершая поклон. В обед был постный суп. Вечером смотрели канал «Спас», где на прямой линии священник отвечал на разные вопросы. Например, где мы. Потом шло кино. Последний фильм, что они смотрели был «Подранки», где четверо детей остались сиротами...

Ленчик заплакал. Он старался делать это незаметно, но здесь было не более чем 15 квадратов, скрыть эмоцию, как и другие звуки были труднее всего. Он старался не пить, чтобы не испытывать малой нужды. Конечно, ныло под ложечкой, он мечтал о постном супе и канале с скучным ведущим в рясе.

Прошла ночь – было темно и определить время суток помогало внутренне чутье. Обычно ночью он шел в туалет, потом засыпал и просыпался с папиным «Сделай мне кофе послаще». Теперь его разбудил озноб, его колотило, зубы стучали, он пытался кусать губы, чтобы успокоиться, но дрожь не проходила, напротив она стал гуще подробнее, обрастая новыми вопросами.

Что он сделал с девочкой? Это же она кричала? Конечно она. Тогда почему никто не слышит? Почему я не могу кричать? Потому что страшно. Мне страшно. Потому что там маньяк из «Молчания ягнят», он хочет выпить твою кровь и сделать из твоей головы вазу для фруктов.

Снова крик? Или мне послышалось? Крик от боли? Послышалось. Да нет, ей больно. Больно... это ужасно. Боль – это когда что-то ломают, когда трудно дышать и думать. Ты думаешь о... , ты... не выходит, ни о чем, кроме этой бо-боли ты не можешь думать. Верит ли Лола? Если так, то чем больше верующих, тем больше вероятности, что придет спасение. Ждать поли-

цию? Крепкий орешек ворвется, и вынесет на своих руках с криком «Умрите, гады!» Да нет же! Не нужно его беспокоить. Зачем? У меня есть бог. Спасибо, мама, папа, что познакомили меня с ним. Теперь он меня знает и будет навещать по воскресениям. Только сегодня не воскресенье! Хватит кричать. Это невыносимо. Мама, папа, где его искать? Ему нельзя позвонить, но может быть есть способ, чтобы он услышал.

– Ты чего бормочешь?

Он не сразу услышал. Внутренний голос пугал его, он почти обездвижил его конечности.

– Молитву? – предположила Поля.

– Да... тебе все известно, да?

– Мне известно то, что очевидно.

– Тут блин темно, пахнет мочой и дышать уже нечем, кажется и вода...

Ленчик задыхался.

– Роб...но ты пойми он тут вроде как старший.

– Что? Да какая разница кто здесь старший. Мы здесь увязли по самый чирик, нас убьют, съедят, с нами явно сделают что-то ужасное, а тут старший, младший...

Волосы взмокли, по вискам катились капли, руки взмокли, веревка стала ощутимее. Веревка состоит из таких тоненьких волокон. А каждое тоненькое из еще более тонких. Тонюсеньких!

Тем временем Поля говорила. Возможно, она тоже постоянно искала пути спасения, но при этом говорила. На такое способны только девушки.

– Что нам делать, кроме как придумывать для себя спасение. Лола читала стихи. Роб...

– Кашлял?

– Это он последние дни. А как только я пришла, он мне пел. Читал «Басту». Огромный город. Ночной проспект. Я опоздал на вокзал и уже далеко твой "Экспресс". Но вопреки всему – мои разбитые мечты, я превращу в цветные сны, в которых, как и прежде – ты со мной! В которых, как и прежде – ты со мной!

– Хватит! Если это маньяк, то... Он хочет выкуп.

– Или отрезать что-то как... дай-ка вспомнить, как маньяк.

Пропиленовые нити не поддавались. Ленчик редко стриг ногти. Только тогда, когда мешали стучать по клавишам. Некоторые были ломкими, но ноготь на большом пальце правой руке можно смело отнести к категории «режет все».

– Почему ты спокойна?

– Наверное потому, что уже умирала раз семь. Родилась недоношенной, вырезали гланды.

Со мной вечно что-то происходит.

– Гланды – это нормально. Мне тоже в восемь вырезали.

– Потом школа в Жуковском, там, где самолеты. Как только «Макс», все как с катушек. А я боюсь летать. Однажды меня так напугали, что наш самолет разобьется, что мы всмятку, что ничего не светит, что надо выбираться и на всех парашютов не хватит.

Одна ниточка поддалась. Славно.

– И тогда я в истерику. Лежала в 6-й детской. Воспитательная психиатрия, блин. Там при мне мальчик в окно, вены резали. Я думала, что могла же себя в самолете как-то попридержать. Жизнь пошла бы по другому сценарию...

Роб задергался.

– Что с ним?

За ночь темнота обрела какие-то явные координаты – где были дети, ведра, должно быть окно. Роб занимал большой квадрат – ранее он делил с соседкой Лолой, теперь был один. Никому не хотелось даже предполагать, что там в двух метрах... нет, все хорошо. Просто он слаб, и нужно только поспать, успокоиться...

Дверь открылась резко. Не было той медлительности. Как будто человек торопился. Он быстро внес ведра – поменял грязные на чистые, выругался как животное, нашедшее падаль уже негодную в пищу. Взял швабру и стал мыть. На этот раз Ленчик не пытался говорить. Он смотрел на действия этого робота, машинально выполняющего какую-то загадочную программу – украл, связал, приходит, приносит воду, моет... У любой машины есть задание, конечная цель, заложенная в систему – вот бы знать.

Мужчина вышел также быстро, как и вошел.

– Почему нас не кормят? – спросил Ленчик, продолжая пилить. Он продолжал пилить все время, понимая, что в темноте заметить одну порванную ниточку невозможно.

– А нас не кормят, – произнесла Поля.

– То есть как?

– Вот так.

– Но это же кипец просто.

– Кипец. Первые два дня трудно. Потом проще. Просто пьешь. А сейчас прости, я должна сходить в ведро... надо же, я смущаюсь, как будто делаю это впервые.

Было темно. Можно было покрыться краской любого цвета, пятнами, иметь сбитую прическу и справлять нужду. А что? Ленчику тоже придется это делать. Да, но как она это делает, если связана?

– Для этого у меня и развязаны руки.

Ленчик смотрел на щель, откуда непрерывно доносились звуки. Говорили двое. То, что их двое утешало.

Мужчина смотрел на сидящего за столом ребенка.

– Ишь, – промычал он.

– Не хочу, – девочка отшвырнула от себя тарелку. Он поднял тарелку, подошел к столу, где среди вороха газет и коробок от пиццы, стояла кастрюля, и налил половником зеленоватую жидкость.

– Ишь, – он силой влил содержимое ложки ей в рот.

Он не мог говорить. Мешали какие-то проблемы в ротовой полости. Девочку вырвало. Он поднял руку, но остановился. Девочка подняла голову – в волосах спуталась каша из пыли, капустного супа и мошек.

8

Будильник прозвенел грубо. Кот пробежал мимо склоченного белья и задел старое покрывало сломанным хвостом. Он был рыжим, имел кличку Крючок, но редко на нее отзывался.

В комнату вбежал Коготь. Имя он свое получил только для того, чтобы вправе сочетать себя с рыжим. У него были разные глаза и отзывчивый характер. Крючок и Коготь. Есть в этом что-то пиратское.

– Крючок!

– Коготь!

Последний рванул в сторону кухни, влетел туда и в два прыжка оказался на коленях пожилой женщины.

Баба Аня была затворницей. Она почти не выходила из дома. Сперва у нее был только телевизор, который от перенапряжения моргал круглые сутки. Можно понять – одинокий человек, нет друзей, работы и увлечений. Год назад случилось страшное – ящик погас, а это значит – целые сутки без новостей, шоу и сериалов. Кто-то пожмет плечами, кто сразу вызовет мастера, наша старушка растерялась. Как? Что? Это конец? Она не могла смыслить завтрак без «Супруг», продолжала мешать тыкву с морковью под «Улицу разбитых фонарей», к обеду

варила свеклу с майором Павлом Семеновым и заряжалась к вечеру «Игрой престолов». К тому же начался новый «Твин Пикс». И тут тишина. День не мог начаться. Она вышла на лестничную площадку и закричала.

– Бо-же!

– Люди!

Из соседних квартир на площадке и наверняка из тех, что ниже и выше повыскакивали, взъерошенные, напуганные, только на мгновение, чтобы запереть дверь на все замки (и верхний тоже), вызвать все «нули» (02,03), и вот уже скорая с полицией на всех парах мчится и через считанные минуты будут здесь, чтобы решить этот загадочный крик. Но это могло бы, конечно, быть, и без полиции, просто смирение – там живет одна психованная, мы ее обходим... если бы здесь жил кто-то еще. Кто-то еще...

– Кто-нибудь!

Этот крик должен был привлечь внимание. Что сделаете вы, если услышите крик о помощи? Броситесь к телефону? Правильно. А лучше спринтовать к месту опасности. Чтобы самому все решить. Или... пройдете мимо? Знаю, такие тоже могут быть.

Но хорошо простывший голос так и остался в этом доме... в доме, в котором никто не жил. Дом был аварийным. Не было ни электричества, ни других причин цивилизации. Дом спрятался в полях фильтрации, проще говоря в отстойниках. Место, благодаря которому дом оставался в тени. Сюда заходили только хроники и потерявшие нюх собаки. Ходили рабочие, ездили машины, но старый дом о пять этажей с проваленной крышей и малопривлекательным обзором, мало кого трогал.

Здесь когда-то жили рабочие, совсем недолго, потом и рабочие сделали вывод, что жить и работать в таком смраде нереально. Это они так думали. Только не баба Аня, которая однажды ушла из дома, оставив дочке квартиру. Идти была некуда, какое-то время мыкалась по вокзалам, на станциях помощи «Красного креста», пока не набрела на этот угол. Прошло три года, как врачи поставили диагноз аносмия (полная потеря обоняния), хронический насморк и торговля на улице тому причина. Поэтому обрета новое жилье, она не заметила огромной разницы – рядом жбаны с фекалиями или лес с речушкой. У нее была крыша над головой, дверь с щеколдой и карточка, на которую падала пенсия. Внутри было тепло благодаря рабочим, которые провели ей электричество и достали пару обогревателей. Еще они могли достать телевизор, любую еду за пенсию. Ее все устраивало – не было уличной суеты, выхлопных газов (была другая эйфория, но с ней она чувствовала себя прекрасно). Дочь сюда не дозовешься, но у нее были коты, с которыми она могла говорить. Они ей заменяли подруг, бесконечные сериалы и дочь, что объявилась только на второй год.

Дочь объявилась здесь неспроста. Она нашла жильца, который был готов въехать сюда. Он платил хорошую сумму и ни на что не претендовал. Получить хоть что-то за этот крысиный угол – вершина счастья. У нее были проблемы с деньгами – муж не работал и хотел каждый день мясо.

– Готова? – спросила дочь, прикрываясь платочком. В квартире почти не было запаха с улицы, но смесь сырости и нечистоплотности вызвала брезгливость. К тому же коты не выходили по нужде на улицу. – Нет, да ты что? Скорее.

Она вечно спешила. Эту неприятную процедуру ей хотелось быстро закончить. Ей хотелось как можно быстрее и как можно дальше оказаться отсюда.

– Мне здесь хорошо. У меня котики.

Она привыкла к котам. Пусть у одного было отморожено ухо, а второй слеповат на один глаз и каждый из них метил углы, но они были для нее семьей. А дочь – это почти забытое. И вот она хочет сломать поменять, отвезти к себе... зачем?

– Слушай, мама. Мы не можем их взять. Ты же знаешь, у меня Сашка аллергик. Он весь сыпью покрывается, потом лечимся.

– Крючок! – закричала баба Аня. – Коготь!

Коготь вылетел из-под клетчатого покрывала и взобрался по шерстяной одежде бабы Ани.

– Крючок!

Но последний как будто ничего не слышал. Они и не слышал. Отмороженное ухо, возможно два...

– Ну все, такси ждет. Все вещи?

Вещей почти не было. Дочка сразу не согласилась брать одеяла – антисанитария прежде всего.

– Ну все выходим, – Где ключи? Что? Нет ключей.

А зачем ключи. Дверь просто закрывалась на щеколду, да еще можно было забивать досками.

– Ключей нет? Как же я... Он же...

Дочка волновалась – не было ключей, мать тормозит поезд, место дьявольское просто. Однажды ногой в деревенский туалет провалилась – на неделю веселье. Сейчас веселье повторилось.

– Я никуда не уеду без моих котиков.

Ну вот и провалилась! Получила аванс и если через полчаса эта старая дура не согласится уехать, явится он... у него была только одна просьба, чтобы к трем часам никого здесь не было. И он заплатит тройную сумму. Конечно, можно было взять этих блохастых... нет, есть варианты куда проще:

– У меня есть теплая кровать, холодильник с твоими любимыми галетами, телевизор, и его не обязательно выключать.

Часы тик-так, тик-так. Ну давай же!

– Они же без меня погибнут. Они так привыкли ко мне. Они же совсем одни в этом мире. Теперь старушка плакала.

– Когда я нашла этот дом, то первые кто меня посетил, это котики. Мне было холодно, они прижались ко мне.

– Я не знала, где ты живешь. Да тут вообще есть адрес? Здесь можно подхватить чего? А почему здесь тепло? Здесь что теплотрасса. Это же дом.

– Крючок – самый добрый. Он ничего не слышит, и когда смотрит, то засыпает. Коготь редко подходит. У него отморожены лапы, ободран бок. Он запуган. В этом мире он только меня не боится. И волнуется. Однажды мне косточку принес.

Баба Аня все больше убеждалась, что ей не нужно уходить. Что она будет делать там... Тут нет соседей в случае чего. А что может случиться? Шалившее ранее сердце напротив успокоилось. Ноги болят, так они всегда болели.

– Я нашла человека, который присмотрит за ними, – быстро сказала дочь.

А?

– Да, он вполне сможет... он же будет жить здесь, ученый... у него опыты или еще... я не слишком расспрашивала, но котов он точно любит.

– С чего ты взяла?

– Он одинокий. У него никого нет. Вернулся в родной город. Раньше он здесь жил, потом все это выстроили и сама понимаешь... А теперь у него опыты и у него как у тебя эта... болезнь...

– Аносмия? Так это хорошо. То есть ему будет хорошо. Он быстро привыкнет.

Как же дочь ее любит. Может быть, стоило согласиться? У нее же больше никого. Может хватит общаться с ними. Перееду к дочке, буду им каждый день борщи варить, пыль вытирать. Ученый? Одинокий? Будет кормить консервами. Тоже хорошо. Мужчина. Не пропадут.

– Мама!

Эти коты все равно молчат. Только смотрят на нее, потому что только она встанет и пойдет в магазин. Ох избаловала она их. То сосиски, то гусиный паштет. Лучше бы дочке купила. Ничего, успею.

– Если ты хочешь оставаться, давай. Я тебя не видела два года. У всех матери внуков нянчат, помогают, а ты тут... что делаешь? С котами разговариваешь. Ладно, ты хотела нам помочь. Ок, помогла. У нас все хорошо. Теперь хватит терпеть эти муки. Не хочешь меня слушать. Ладно.

Если ее мать так уперлась, то что сделаешь. К черту деньги, к черту все... но ведь придется проверять как она тут. Это ее очень напрягало.

– Пошли, дочка. Только можно я с ними попрощаюсь?

Дочка едва сдерживаясь кивнула. Крючок выглянул из-под покрывала.

– Все, прощайте. Вы остаетесь здесь. С вами будет ученый. Вы его слушайтесь. Он большую часть времени будет занят, вы ему не мешайте. Да что я... идите ко мне.

Она обняла первого и второй, не привыкший к такому обхождению попытался вырваться.

– Ну все, все..., – остановила это представление девушка, схватила узел, подтолкнула к выходу мать и закрыла дверь.

Она уже договорилась с социальным приютом. Баба Аня в свое время принесла пользу государству. И дочь собрала документы, чтобы получить согласие. Но это куда лучше, чем это чистилище. Там тоже есть коты. А этих нужно просто прогнать. Всего-то. Получить деньги, маму ждут в приюте завтра до пяти, сегодня устроить торжественный ужин, получить ее долю, и забыть про все случившееся как кошмарный сон.

9

Кристи училась в инязе имени Мориса Тореза. Вуз, где учат языки, чтобы научиться говорить «спасибо», «пожалуйста», «люблю» на всех языках мира. Кристи была общительной, поэтому дополнительно знать плюс один, два, три языка совсем не мешало.

Кристи хотела объездить весь мир до того, как начнется серьезная жизнь... муж, дети, повышения на службе. У нее была четкая программа как жить. Спасибо маме, ее советам, и отчетам в конце каждого часа. Любой звонок от родителей пусть даже вопрос про ужин, был важным и любой игнор фиксировался, подсчитывалось общее число и выносились прогнозы... с таким отношением ничего хорошего. Или – в этом месяце было куда лучше. Они вконец выдрессировали дочь, что она научилась обманывать родителей так убедительно, чтобы те чувствовали себя виноватыми.

Институт после школы освободил ее. Если в школе было четкое расписание, то высшее заведение таило в себе высшие порядки, где были и дополнительные лекции, и преподы без чувства логлайна.

Психология у нее всегда была на первом месте. Да, да. Именно, потому, что старалась разобраться в себе и в таком нездоровом родительском внимании. Как еще! Конечно, она привыкла, все же родителей не выбирают, но порой смотря на соседских детей свободно гуляющих, едущих в автобусе и шагающих на тренировку, у нее кололо внутри. Шибзики, а уже...

Профессора в институте были скучнейшими – ходили, чего-то там напевали, мечтали о несбыточном и требовали слушать и смотреть. Музыка, фильмы, люди. Только контакты с местными. Только общение, глубокое погружение в культуру... О боже мой! Потому что как это делать, как общаться, что предпринимать чтобы понравится, чтобы произвести впечатление или добиться своего – даже намек не было. Они отращивали бороды и теряли зубы прямо во время мертвых лекций.

Кристи любила оставаться после уроков. Заканчивались одни лекции, начинались другие. Она начала курить только потому что там собирались представители разных стран.

– Когда ты кому-то нравишься, то невольно чувствуешь на себе взгляд. Ты стоишь спиной, но именно спиной и чувствуешь.

В столовой она никогда не сидела одна. С Герой она говорила о культуре Мозанбика, с Вассо – танцах, еще он ее смешил, Марс готовил ее к экзаменам. Общаясь, она тем самым сэкономила время на чтение учебников, которые она не могла себя заставить открыть. Однажды она подумала, сможет ли закончить институт, не открыв учебник.

– Он всегда где-то рядом. Он не подойдет, такой человек никогда не сделает просто шаг или скажет что-нибудь глупое про поиск нужного адреса или сделает комплимент. Он найдет такой способ, что ты не ожидаешь... сегодня я устала и не готова и мне бы уже баиньки... день был тот еще, а он... о-па. Добрый вечер, Маргарет Тетчер.

Она понимала, что всегда найдет то, что ей нужно. Если Макс уже был в прошлом и зарабатывает себе репутацию с огромным пятном, то она шла к своей цели. Стоило только меньше включать эмоции и доверять своей интуиции. Да, еще нужно было давать полный отчет и не только вечером дома.

– Да мама. Порядок. Преподы только шинкуют. А что? Представляешь, философ не поставил. Уже третью пару тормозит. Я ему почему вы сразу не объясняете, а то одному объяснил, а мы должны как-то автоматом все узнавать об этом. Я должна молчать? Почему? Ну и что! Если у него диплом и степень, то все можно? Я ему почему у меня не так? Я же все по учебнику делала. Давайте сравним. Он мне некогда, я запишу ваш вопрос. Он запишет, какой-то блокнот, там все...ему просто на нас. Я должна терпеть, а он на нас будет эксперименты ставить.

Родители любили Кристи и знали буквально каждый ее шаг. Она своего добьется. Сломает если нужно и крепкого на прогиб философа. Макс им сразу не понравился. Хорошо, что у нее всегда была включена геолокация и они понимали, где их любимая дочь. Они были спокойны, потому что все было под контролем.

10

Маньяк дал о себе знать однажды. Только что спасли район от от замороженной компании, бросающей дымовушки в балконы. Говорили в булочных, на остановках вздыхали, пропускающая нужные трамваи. Казалось, голос дрожал, когда новая компания громко смеялась после захода солнца. Старушки не отпускали малышей, а даже детей из старших классов встречали и запрещали ходить на секции. Потом все разрешилось – самого горластого паренька с восьмого класса низкорослого Бурю засудили за семь краж и избиение и отправили в колонию. Остальные отделались легким испугом граничащий с домашним арестом надо-о-олго.

Пропала девочка. Тринадцать лет. Рост 145. Светлые волосы, до плеч. Ушла из дома в желтом свитере и юбке из твида. Звонить по телефону. Прошло три недели. Маловероятно, но родители... им не объяснишь.

Мама вышла ненадолго. Казалось, не выйди никуда и все. Но обстоятельства, мы не знаем, что может быть... Но ведь знала, какая у нее дочь и в каком та состоянии. Завела бы кого... стоп, достаточно – все мы гениально мыслим на расстоянии полета пули.

Она была закрытая девочка. Никуда не ходила. И если и бывала, то долго переживала. Сидела дома. В школу ходила редко, больше была на домашнем обучении – мама каждый вечер звонила учительнице, чтобы не пропускать основные пункты школьной программы.

Ее мама зашивалась. Буквально. Она работала на двух работах – подшивала частный детсад и детский театр. В те дни была премьера и порванные пижамы. Мало того, Лола простыла. Она почти не выходила, а когда почти не выходишь легкая простуда (например, открытый холодильник) вела к кашлю и температуре.

Должна была прийти врач. Нужно было шить костюм Пиноккио, проследить, чтобы был повешен занавес... она одна кормила семью (пусть маленькую), и отказываться все равно что обречь себя на голод.

Когда болеешь, то не хочется ни вставать. Просто лежишь, слушаешь «Evanescence» и смотришь на мир через призму книг и музыкальных зеркал. Голоса как будто твердят о том, что любят и никогда не оставят тебя. Они окутывают, согревают и даже когда неприятный симптом, не хочется снимать наушники.

Лола балдела от песни «Together Again», она нашла что эта песня про нее. Про ту, что уходит из дома и эта неизвестность пугает, но не только...

Звонок.

Мама забыла ключи? Как странно. Это первое что пришло ей в голову, когда в дверь позвонили.

– Кто там?

– Я очень извиняюсь, но...

Она знала, не нельзя открывать незнакомцам. Но этот голос, такой родной, как будто текст песни, как будто Гендельф зовет в путешествие. Что нужно отказаться, но разве хочется, когда музыка... про пропащую кошку, что нужен телефон, чтобы позвонить в службу такси, потому что именно такси увозило эту кошку по имени «Смайли».

Она открыла дверь. Потому что ушла мама, потому что музыка не только помогает, она подсказывает открывать двери незнакомцам...

С мальчиком не должно было этого произойти. Роберт. Робби. Роб. Он никогда не отличался усидчивостью. Улица была для него домом. У него был дом, квартира, родичи, старший брат, но на улице он чувствовал себе куда более комфортно. Здесь он знал любого. Будь то продавец газет или уборщик на улице, водитель «Букашки» или директор холдинга. Он не читал книг, но хорошо разбирался в людях. Он делил людей на тех, кто читает книги, и тех, кто читает людей. Ему было хорошо, пока не случилось.

День выдался обычным. Парень только что вернулся с занятий по самбо, чертовски устал и хотел пить. Он сидел на скамейке во дворике высотки и ждал свою девушку, которая постоянно сомневалась в выборе и поэтому долго одевалась.

Он шел уверенно прямо на мальчика, как будто не видел ничего перед собой. Мужик, парень, сдвинутая на глаза кепка мешала увидеть глаза. Роб сказал ему то, о чем потом пожалеет:

– Э-э-э. Ты чего? Я не стану от тебя бегать.

Через минуту вышла девушка. Она оглянулась, набрала его номер, но Роб был не доступен. Первое, о чем она подумала – так со мной не поступают. Первое, о чем подумал Роб – так и не удалось утолить жажду.

Маньяку присвоили первый номер. Еще никогда ранее не возникало такой угрозы. Даже взрыв дома на соседней улице было ничем. Со времен великой отечественной. И теперь все отделы стояли на ушах.

11

Дима проснулся от странных звуков из соседней комнаты. Он спал чутко и в жаркие ночи, когда было открыто окно в особенности спал плохо и дергался от малейшего ночного движения. Беруши не спасали – с ними даже было страшнее, без них хоть слышишь, что происходит, а так полная иллюзия...

Мальчик прислушался. Если очень прислушаться, то можно уловить мамин храп. Только она не храпела. Мамы вообще не было слышно, зато дядя Володя громко говорил. Димка нервно схватился за кубик-рубик и быстро-быстро стал крутить механическую головоломку.

Получалась только одна красная грань. Начиная собирать другую, красная ломалась, – выходила желтая. Он понимал, что нужно усилие, что должно пройти время, но то ли ему было не дано, то ли скучно, потому что без увлечённости тоже мало что может получиться. Он хотел услышать, что происходит за стеной, но это же стена, не стекло и не пищевая пленка.

Димка вспомнил вчерашнее утро, когда за стеной была тишина, но это только сперва, а потом легкий хлопок – одеяло падало на пол, шуршали соломенные тапочки, и он как по команде отбрасывал одеяло и сгребая в кучу одежду несся в ванную, где быстро-быстро умывался, одевался, причёсывался и выходя из ванной комнаты хитро улыбался, зная, что все равно будет первым и заглядывая в комнату к маме, говорил «Доброе утро». Она подзывала его и целовала-целовала так, что было щекотно.

Грохот прервал его мысли. Ему точно не послышалось. Это был такой шлепок, как будто падает три-четыре одеяла.

А что если этот человек причинил ей вред? Маме больно? Нельзя так сидеть и ничего не предпринимать.

Голос тем временем не умолкал:

Бо-го..го. Те-но...

Тогда зачем он говорит? Если он говорит, то все в порядке? Чего я волнуюсь, Они просто разговаривают. Он мужчина, а ему полагается говорить громко. Мама же мне объясняла, что мужчины говорят грубо, ходят и едят больше чем женщины. Они совершенно другие. А он просто не привык к этому.

Бо-го!

Снова хлопок.

Те-но

Шлепок.

Димка вскочил, одел холодные тапочки, вышел и на цыпочках засеменил к маминой спальне.

Он боялся идти, но более отчетливый голос грубый властный требовательный торопил его.

– Здесь давно не было мужчины.

Становилось тяжело дышать.

– Все пропиталось женским дерьмом. Эти стены нужно выкрасить в холодный синий. И потолок. Это что люстра. Это платье на ножке.

Одним глазком. Ничего, если быстро. Он не заметит.

Он заглянул в комнату и...

– Заходи.

Димка замер. Мамы не было. С кем же он говорил? Дядя Володя смотрел в зеркало, на нем был мамин халат.

– Я уже должен идти, – робко сказал мальчик. – У меня сегодня нулевой урок.

– Твоя мамка сказала, что в школу тебя отведу я.

Это мама сказала? Вчера мама кормила его кашей с фруктами, а потом вспоминала лето, когда было самое лучшее море и никого. Подходили разные мужчины, но она им коротко «Не интересует», и ему это «не интересует» так запало, что потом он это часто использовал. Как же хочется сейчас сказать это, но Димка все же не решился.

– Да нет, я сам, – разве что.

Он подошел к нему, взял за руку и сжал ее. Димке стало больно.

– Ты что меня боишься?

Димка зашмыгал.

– Ты понимаешь, что боишься того, кто хочет помочь тебе избавиться от страха. Странно, как ты считаешь?

- Наверное, – нехотя согласился Димка.
- Далеко твоя школа?
- Всего три остановки. Тут пешком можно.
- Проедемся на метро.

Только не метро. Он его ненавидел. Мама бы никогда не допустила, чтобы он спускался в это подземелье, где все ненастоящее – и свет, и стены, и эти указатели, которые все равно не помогут во время обвала. А люди спешат, давят, не смотрят, что ты ребенок. Под землей все едины. Ма-ма!

На улице было пасмурно. Тополя, замызганные машины и полны одежд, взрывающие лужи сапоги – все было в унисон этой прогулке.

– Вот ты прыгаешь от лужи к луже, потому что у тебя ботиночки. Мне почему не страшно, потому что у меня сапоги!

Это были сапожища. Дядя Володя носил огромные сапоги.

– Страхи начинаются с тебя. Сперва промокшие ноги, потом простывшая голова или простывший нос. Кстати нам нужно подкрепиться.

Дверь с колокольчиком. Задымленное помещение. Огромные кружки с пивом, лужи на полу и на столе. Здесь не место детям.

– Мне кружку темного, – проревел дядя Володя, – и повернулся к мальчику, – ты что будешь?

– Но мне нужно в школу, – пропищал Димка.

– Бутерброды с колбасой есть? Дайте один и еще с сыром. Только не надо вчерашний подсовывать.

Димка стоял вровень с огромным столом, где стулья тоже были, как и столы гигантские. Все как будто говорило «Вам тут, молодой человек, не место!»

– Ребенку нужно в школу!

Это была старушка неопределенных лет – морщины, руки с прожилками, но эта резкость и голос, как у заводной обезьяны.

– Дядь Володь, а, дядь Володь. Мне действительно нужно. Сегодня контрольная. Итоговая. Пропустишь – такой разнос.

Зря он сказал про последнее – снова выдал очередную порцию страха. А старуха добавила, что ее не надо учить, она и сама кого хошь. Тоже зря – Димке не приходилось видеть такого лица, оно ему напомнило собранную грань кубика рубика.

– Не надо учить? – закричал он. – Как же вас не учить, когда вы все боитесь. А потом война, то кто пойдет. Вот этот хлюпик с мокрыми ногами?

– Не надо.

Димке хотелось позвонить маме. Почему он не может этого сделать? Кто для него этот дядя Володя? Да никто. Тем более, как узнает, что он сделал – зашел в пивную, ага, из-за него он пропустил контрольную... итоговую. Ну все!

– Вы не знаете, что такое страх. Страшно, когда тебя закрывают в темном подвале, а рядом с тобой трупы с выколотыми глазами.

Из подсобки появились два широких в плечах мужчины. Они быстро сгребли дядя Володю, к ним присоединилась старушка неизвестных лет. На тротуаре было холодно, но он не сразу встал.

– Люди-звери, – заключил взрослый. Младший жал в руке телефон и не знал, что делать. – Не понимают, что делают. Только знаешь, почему они это сделали?

Димка мям телефон, вспоминая на память мамин рабочий номер.

25-23...

– Они испугались. Они меня испугались. Да все тут боятся. Даже вот этот...

Только Димка хотел набрать номер, который он почти вспомнил (только одна цифра оставалась под сомнением), как появился этот голубь. Голуби никого не спрашивают, они просто появляются там, где им нужно, чаще там, где есть что-то съедобное. Он мирно прошел вправо-влево, вероятно признал в дяде Володе своего (тот сидел на одном уровне с ним ближе к земле) и не успел завершить второй круг, как оказался у него в руке.

– Неизвестно, что из тебя вырастет, но точно не это жалкое воплощение трусости.

Затем он свернул ему шею. Мальчик не сразу это понял – все происходило слишком быстро, как трюк фокусника. Потом быстро встал, схватил мальчика за руку.

– Идем, нам еще в метро нужно.

– Ему надо помочь.

– Ему уже не поможешь.

Димка плакал, только он плакал без слез, потому что начинал понимать, что может случиться из-за одной пролитой слезы.

12

Ленин верил в старую советскую систему. Он почти доверял людям. Почти его было выражено в том, что человек может ошибиться. И одна ошибка влечет за собой еще, еще и еще, по ка не случится страшное, отчего все будут стоять на ушах и газеты печатать на первой странице.

Молодой как оказалось был не таким молодым. У него было семья, двое дошкольников, два мальчика. Он пошел в полицию случайно. Хотелось зарабатывать. Ему пообещали полтинник с премиями и графи к сутки-трое тоже устраивал. Из всего того, что требовалось, а именно знания упк рф, ук рф, гк рф, знание компьютера, закона о прохождении службы в полиции, огневую подготовку навыки самообороны он умел только смотреть гороскопы и играть в «Живых трупов». Но Ленин отнесся к нему с пониманием.

Они частенько вспоминали свою первую встречу. И сейчас вспомнив, да запив все чаем для полуночников без сахара, они ждали.

– Сегодня у моего экзамены, – произнес Ленин.

– Поступают же летом.

– А мой не как все. Ему хочется во всем отличаться от других. Однажды мне заявил, что ему не хочется зваться Сережей, ему видите ли не нравится ни фамилия, ни город. Он предложил отпраздновать новый год в мае. Когда более комфортно. Зачем мучить себя, когда можно раз и все под себя придумать. А про работу... а зачем... можно и работу придумать. Про мою он тоже изрек – что моя работа легко видоизменяема. Что ее можно исправить в лучшую сторону.

У Молодого мальчишки устраивали драки, хорошо, что он нашел способ перенаправлять их.

– А мой вчера сказал, что не любит меня. Маму любит, а меня нет. Я ему «Отца нужно любить», а он «Не нужно». Ну, всыпал, тот в слезы. Хотел извиниться, а он под подушку голову засунул, и до утра.

– Это он от обиды какой-то.

– Каюсь. Поздно прихожу, сутками не бываю дома. Сейчас должен быть с ним, а я здесь, топчусь на месте.

– Мы топчемся на месте. Не ты в этом виноват. Он оказался сущим подонком. Просачивается сквозь пальцы. Никаких улик. Никто не видел. А если и видел, то ничего, не за что зацепиться. Он даже не играет, не предпринимает ничего. Это только в кино маньяк интересный и два полицейских обязательно найдут зацепку.

– Мы найдем. Мы не можем не найти.

– Да-да.

Они замолчали. Не хотелось говорить об этом, но и менять тему тоже не получится. Пропали дети и чтобы их найти тут нужно что-то сверхъестественное. Ленин за годы практики уже не верил в чудо, а молодой, опасаясь за своих детей и порой видя в каждой бороде и золотом зубе приметы преступника, верил... просто верил.

Телефонный звонок нарушил тишину. Ленин быстро взял трубку.

– Да. Да....

Он молча слушал, его зрачки наполнялись и в уголках глаз появились первые капли. Он положил трубку, тяжело вздохнул.

– Что? – быстро спросил Молодой. – Поступил?

Ленин мотал головой.

– Не поступил? Вот так... жить когда ты хочешь. Будь как все, и у тебя будет как у всех.

Ленин снова закрутил головой.

– Да что еще?

– Детей нашли.

Молодой сел мимо стула, быстро вскочил – показав готовность слушать дальше.

– Они вернулись домой.

Они... что? Вернулись? В каком состоянии. Наверняка они в плачевном. Иначе и быть не может.

– С ними все в порядке. Во всяком случае все при них.

– Надо проверить. Там может быть язык или...

– Медики их осмотрели и кроме нервного шока им ничего не поставили.

– Не может быть. Это хорошие медики? Это может быть еще молодые интерны. Они не сразу, некоторые из них крови боятся.

– Что ты мелешь?

– А то что дети не могли... он же их держал у себя... или могли.

Молодой был растерян. Ему казалось, что за эти несколько лет, что несет бремя «защиты и порядка», он видел все. Пятилетний мальчик, прятаясь под кровать от вида швабры, боявшийся выходить из подъезда когда стемнеет и рано утром вошел в ряды сильнейших, бесстрашных. Но струны одна за другой лопались, ноги подкашивались...

– Знаю, что невозможно. Руки дрожат. У кого-то ноги. Принеси-ка «черного принца».

– Но мы же... вы же сами говорили.

– Отставить. Они нашлись. Это больше чем повод.

13

Все было позади. Ленчик пил вторую 750-граммовую кружку чая с лимоном. Он не мог напиться. Родители сидели перед ним. Только что они привезли его из полицейского участка. Мама продолжала плакать, а отец с виду вечно больной, сейчас напротив обрел другой более мужественный вид. Казалось, теперь он сможет защитить сына и не допустить подобных случаев.

Все всплыло. Как он сидел в ужасном, день ото дня становящимся смертельно опасном, помещении. Как он смотрел на девушку, чье спокойствие то бесило, то кричало «какого?».

– Ты с ним заодно? – спросил он у Поли.

Он решил, что она точно одна из них. Из них... похитителей. Тот ее подкармливает, дает крышу. Она втирается в доверие, выжимает соки, узнает нужное – готова на все, чтобы не сгинуть на просторах злобного города.

– Да нет же, – устало говорила она. – Что за паранойя. И хочешь тебе об этом? Мы тут не в самом перфектном месте, без удобств каких. А тут еще ты иголки под кожу вгоняешь.

Ленчику было все равно, что она говорит – веревка была на 99% срезана, оставалось три волокна. Конечно, ноготь был уже никакой, но всего три, три и теперь его ничто не остановит.

– Нужно отвлекаться. Кругом катастрофа, но ты жив, зуб не болит, значит все в порядке. Тебя беспокоит что будет потом, но ты же не знаешь, что будет. Конечно, может быть все плохо, и тебе не качаться на качелях в парке, но допусти, что все будет хорошо. Что ты дома и все по-прежнему?

Стоит согласиться с тем, что она классно отработывала свой хлеб. Потому что парень не выдержал:

– О чем ты? По-прежнему? Зачем ты все это... Мы все тут сейчас. У меня например от вздохов ничего не осталось. Кажется, сейчас вдохну и не знаю, смогу ли выдохнуть.

Поля притихла.

– Он притаился. Который день не заходит. Мы тут и эти ведра. По мне уже кто-то ползает. Это ужасно.

Ленчик заплакал.

– Тсс. Ты слышал?

– Как только забрали Роба, я слышу только тебя. Еще эти шаги... он куда-то уходит, уносит его части, возвращается за следующими... сколько раз нужно ходить, чтобы...

– Перестань... все будет ок. У меня есть теория – нужно думать так, как тебе действительно нужно. Вот я здесь и все время думаю, что мне хорошо, что мне ничего не мешает.

– Но мне не хорошо и все мешает.

– Это не темная комната... повторяй за мной.

– Не буду я повторять...

– Это светлый дворец. В том зале танцуют. А на террасе можно поесть земляничное мороженое, а потом искупаться на море.

– Хватит!

– Будем играть в фанты. Напишем записки и... Что ты лучше всего делаешь?

– Нет!

С грохотом отворилась тяжелая дверь. Ленчик вздрогнул. Даже Поля сделал резкий довольно звучный глоток воздуха. Человек вошел, на этот раз у него не было в руках ведер. Он просто подошел к Поле, отвязал ее, показал жестом на парня и вышел. Дверь осталась открытой.

– Что все это значит? – прошептал Ленчик.

– Только одно, – радостно сказала девочка, – я должна тебя развязать и вывести на свет.

Пусть теперь она поспорит, что не заодно с ним. Зачем эти игры?

– Затем, что просто доверься мне.

У него что есть выбор?

Поля подползла к парню. Ленчик задыхался. Он конечно помнил Дашку из школьного лагеря, от которой реально несло чем-то тухлым. В принципе девочка – это всегда цветы что-то фруктовое. А тут что-то собачье и эти волосы, как будто промаслены рыбой.

– Сейчас я тебя развяжу... , – комментировала свои действия девочка, – а да ты хитрец, – обнаружила обрезанный узел.

Он резко схватил ее, повалил наземь. Она оказалось крупной, но Ленчику это не помешало – казалось все это время он копил силы, а не терял. Ее голова ударилась о что-то липкое со звуком плихщ...

– Сейчас я тебя... – он тяжело дышал и готов был опустить поднятую руку с сильной частотой.

– Ты что хочешь меня ударить?

Ленчик неуклюже поднялся, и шатаясь пошел к выходу.

– Ты не понимаешь, – спокойно произнесла Поля.

– Это я-то не понимаю. Это ты...ты.

Ленчик выскочил из помещения. Как в тумане. Обычный шкаф, стол, прихожая, дверь...
Ну давай же! Но дверь не поддавалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.